

9 МАР 1983

Литературная газета
г. Москва

2207

Николай АСЕЕВ:

О ВЛАДИМИРЕ МАЯКОВСКОМ

Знакомство с Маяковским оказалось для Асеева важнейшим событием его жизни. «Со времени встречи с ним, — писал Асеев, — изменилась вся моя судьба. Он стал одним из самых близких мне людей; да и у него не раз прорывались мысли обо мне и в стихах, и в прозе. Наши взаимоотношения стали не только знакомством, но и дружеством по работе...»

Размышления о творческой судьбе Маяковского находились у Асеева в теснейшей связи с раздумьями о судьбах родины, судьбах русской поэзии.

В томе «Литературного наследства» собраны неопубликованные стихотворные и прозаические тексты Асеева «на тему о Маяковском», создававшиеся на протяжении более чем трех десятилетий. Среди них и строки, предназначавшиеся для поэмы «Маяковский начинается», но не вошедшие в нее.

Мы приводим предисловие Асеева к этой поэме, начало заметки о Пушкине и Маяковском, стихотворение, посвященное Маяковскому и Хлебникову.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ

Эта повесть о молодости Маяковского, о нашей общей молодости, не претендует на исчерпывающее раскрытие всей исторической перспективы пред- и послереволюционных годов. Но часть этой перспективы, именно — ту среду, в которой начал свое поэтическое развитие Маяковский, тот зачастую бессознательный протест против существующего в мире порядка, которому он придал силу и цельность, выражением которого было движение в русском искусстве, возглавляемое им, — вот что хотелось показать мне в этой повести. Свидетель и участник этого движения, автор ставил себе в задачу дать внутреннее ощущение тех чувств и мыслей, которые, несомненно, были у них общими с Маяковским.

Это повесть о предреволюционном поколении, порвавшим после 1905 года с традициями отцов, со спокойной уверенностью в завтрашнем дне, в незыблемой повторности его монотонных очертаний. Поколение это, лихорадочное и взволнованное близостью надвигающихся изменений общественных норм, мечущееся и

ищущее в искусстве найти возможность протеста против старого, сношенного общественного порядка, вкуса, правил поведения, — возглавлялось и нашло себе выражение в великолепной фигуре Маяковского, сочетавшего в себе наиболее характерные черты человека своего времени.

<1930-е годы>

<МАЯКОВСКИЙ И ПУШКИН>

Я двадцать лет без малого знал Маяковского как человека, встречался с ним многие годы чуть ли не ежедневно, и все-таки как художника, оказывается, знал его очень несовершенно, поверхностно. Я думал, что в искусстве он так же простодушен и прямолинеен, как в жизни, так же мальчишески надменен и неприступен по отношению к чужим, несочувствующим людям, так же деятельно весел и открыто дружелюбен по отношению к своим. Я полагал, что в этой цельности его натуры, одинаково яркой и в жизни, и в искусстве, заключается полновесность, убедительность его дарования, непрерываемость его взглядов и вкусов в искусстве и в жизни. Однако длительный жизненный опыт доказал мне, что это не совсем так или, вернее, совсем не так. Оказалось, что в творческом своем бытии Маяковский гораздо сложнее, многограннее, глубже и неузнаннее, чем в обычной, каждодневной, наблюдаемой извне жизни. Случилось то же, что и с Пушкиным. Их характеры, оказывается, были очень близки по темпераменту, простодушию, беззащитности, несмотря на всю внешнюю задорность и неуступчивость. Их человеческие черты во многом могут быть сближены по своим проявлениям. Та же горячая любовь и ненависть, то же желание быть хозяевами в своем доме, в своем деле, вплоть до неперемногого желания иметь свой журнал, в котором отстаивать свои вкусы и взгляды, те же взаимоотношения с критикой и консервативными любителями старины. Это — их человеческие черты. Но творческое начало у обоих выше человеческого или, по крайней мере, выше среднечеловеческого уровня понимания жизни и ее назначения.

<1950-е годы>

И грусть,
и смех,
и дождь,
и снег.

Ранее — рос лес,
радовался жил бог,
ныне там — лис бес,
лепится глух мох.

Я знался с богами,
я жил среди них,
боролся с врагами
их песен живых.

Один был могуч
разлетом плечей,
другой был певуч,
как в роще ручей.

Был лоб его небо,
а сумерки глаз
смотрели, как заповеди,
на вас.

Один был игрок,
а другой был пророк,
но тот и другой
был душевно широк.

Один прогремел,
просиял, прошутил,
другой разумел
течение светил.

Но оба, но оба —
душой не таймы,
ни зависть, ни злоба
не ведомы ими.

И силы обоих —
мнилось — несметны,
но вот оказалось:
и боги — смертные!

<1950-е годы>

Публикация
А. М. КРЮКОВОЙ